

К. Лягс, Директор департамента нефтегазового оборудования ОАО «ОМЗ»

В вопросе о соглашениях о разделе продукции, как в миниатюрной капле воды, отразились все недостатки и законодательства, и государственного управления, исполнительной власти и т.д.

Хотелось бы для начала, может быть, риторически поставить вопрос: а для чего нам нужны соглашения о разделе продукции, т.е. некие изъятия из национального налогового режима, имеющие конфиденциальный характер?

Если сделать расчеты даже без дисконтирования, то разница между доходами государства от, например, модели «Сахалин-2», между доходами государства от обычного режима и режима соглашения о разделе продукции окажется более чем трехкратная. То есть государство получает в три раза меньше налоговых поступлений. Спрашивается: для чего это было сделано? Раз в стране у нас нет ни людей, которые способны реализовать эти проекты с точки зрения оперирования, т.е. нефтяных компаний, ни компаний, которые способны производить то или иное оборудование, мы говорим: вот возьмите то, что мы все равно не сможем освоить, может быть, вы это сделаете. Не важно, иностранные это компании или специально созданные организации.

Сама конструкция Закона такова, что мы обречены на то, чтобы капитал, который якобы будет инвестироваться в Российскую Федерацию, максимально не попадал на территорию Российской Федерации.

К примеру, в чем состоит интерес фирм-операторов, особенно когда дело касается крупных международных нефтяных компаний: лучше купить более дорогое оборудование за пределами России, чем более дешевое и качественное оборудование в России. Сам принцип компенсации затрат таков, что чем более дорогое оборудование будет куплено, тем больше нефти можно будет экспортировать. Так какой интерес покупать более дешевое оборудование? Никакого.

Более того, крупные нефтяные компании имеют многолетние тесные контакты с производителями оборудования в соответствующих странах, и возможны варианты, когда, к приме-

ру, им в одном случае будут поставлять дорогое оборудование, а в другом — будут давать скидку. И мы это никогда установить не сможем.

Более того, из-за нечеткости записи в Законе о 70%-ном российском участии непонятно, что такое российское участие, и мы сейчас сталкиваемся с такими факторами, что, к примеру, по буровому оборудованию наш крупный американский конкурент создал 100%-ную российскую дочернюю компанию и предполагает, в случае если стороны СРП начнут выполнять требования вот этой части законодательства о 70%, участвовать как российская компания. Формально юридически не к чему придраться. Другое дело, что это такая транзитная вещь, ничего общего не имеющая с российской промышленностью; просто 100%-ная дочерняя компания американской компании будет закупать оборудование у своей материнской компании, поставлять по документам это оборудование, поступившее из России.

Кроме того, создаются специальные барьеры в виде утверждений, что в России не производится сталь с содержанием никеля 9%. Россия может сделать сталь с содержанием никеля 9%, 9,5, 8,5%, вообще с любым содержанием никеля, хоть суперсплав, где будет 30% никеля. Нет никакой проблемы. Просто это именно тот «забор», который специально возводится, чтобы российские компании не участвовали в соглашениях о разделе продукции.

Мы сделали очень простой расчет без мультипликативного эффекта. К примеру, по проекту «Сахалин-1» в пересчете на объем инвестиций 1 млрд долл. при объеме добычи 5 млн т нефти сделана экстраполяция на основе «Сахалин-2». Значит, если не фиксировать долю российского оборудования и услуг, мы получим 70 млн долл. Если фиксировать 70%-ную долю российского оборудования и услуг, то прямой бюджетный эффект, не говоря уже об эффекте, связанном с развитием соответствующих отраслей машиностроения, трубной промышленности и так далее, — прямой бюджетный эффект составит 169 млн долл., т.е. получается разница в 100 млн долл. При обычном налоговом режиме это будет 237 млн долл. При этом надо отметить, что при использовании российской квоты в 70% эти деньги мы получаем сейчас, а без фиксации этой доли и при работе в режиме соглашения о разделе продукции, налоговые платежи поступают через много лет. То есть, по крайней мере, ни этот со-

зыв Государственной Думы, ни это Правительство уже к тому времени работать не будут в нынешнем составе.

Значит, необходима существенная ревизия заключенных соглашений. Необходимо действительно взвешенный подход к анализу всех действующих соглашений о разделе продукции не для того, чтобы их пересмотреть, а для того, чтобы их соблюдать.

Допустим, соглашение подписано. Надо хотя бы добиваться его исполнения, добиваться реализации всех тех намерений, которые существовали на момент возникновения обязательств.

Что касается в целом законодательного регулирования, то здесь нужна четкая запись насчет того, что такое 70% российского участия. Это что, прохождение бумажек через российское юридическое лицо или это реальное возникновение добавленной стоимости в Российской Федерации? Представляется, что это возникновение добавленной стоимости.

Казахстан, который тоже имеет соответствующее законодательство в области соглашений о разделе продукции, четко регламентирует: это 70% добавленной стоимости. Более того, казахстанское законодательство еще более жесткое.

Если оборудование не производится в Казахстане, это никого не волнует. Пожалуйста, приглашайте ваших подрядчиков, пусть они организуют в Казахстане производство необходимой машиностроительной продукции.

Мы сейчас идем на казахстанский рынок нефтегазового оборудования и обсуждаем свои возможности организации сборочного производства на территории Казахстана.

Является ли эта мера нерыночной? Да, безусловно, эта мера является нерыночной. Но она ровно в той же мере нерыночная, в какой нерыночной является отдача с изъятиями национального налогового режима крупных объектов недр. То есть это некое принуждение, которое компенсирует то, что отдано на очень льготных условиях.

Было бы еще понятно, если бы Россия представляла собой страну, у которой вообще нет

ни нефтяного машиностроения, ни судостроения. Но наша страна исторически является одной из ведущих мировых держав в области специального судостроения и нефтяного машиностроения. Первый танкер в России был построен 100 лет назад. Винтовой забойный двигатель, который является основным инструментом для бурения, был изобретен в России. Наклонное бурение было изобретено в России. А что касается специального судостроения, то только несколько стран в мире обладают теми возможностями в этой области, которые были созданы сначала для подводного флота, для атомного судостроения, которые есть в России.

Мы заинтересованы в том, чтобы соглашения о разделе продукции оказывали позитивное влияние на экономику России не в каком-то абстрактном будущем, через 20 или 15 лет, а сейчас. Мы хотим, чтобы рабочие места сохранялись и развивались, а не исключались искусственно. Сегодняшний же режим СРП демотивирует инвесторов покупать российское оборудование, потому что это снижает их издержки, делает их прозрачными, а им это не нужно. Потому что в этом случае падает их экономический интерес.

Мы должны добиться: первое: четкого определения 70%-ной квоты; второе: эффективного и жесткого участия представителей Российской Федерации в наблюдательных советах и участия в тендерных комитетах; третье: поскольку сейчас возникает вопрос о том, что якобы 70%-ная квота несовместима с нашим будущим участием в ВТО, нужно принять некоторые решения, которые будут эту норму однозначно фиксировать. Через 10 лет эту норму можно снять, а пока она действует.

Для большинства иностранных инвесторов эта норма не является столь существенной, чтобы из-за этого тормозить вступление России в ВТО.

Если же все это невозможно в силу разных причин, то встает вопрос: а зачем нам нужны соглашения о разделе продукции в той форме, которая существует? Зачем мы сознательно идем на уменьшение наших национальных доходов ради какой-то эфемерной прибыльной продукции через много лет? В этом случае, как представляется, мы должны ликвидировать сам режим СРП.